

Представляя рубрику

Представленная вниманию читателей рубрика посвящена памяти **Вадима Анатольевича Тураева (31.03.1938—28.11.2020)** — выдающегося российского этнолога, гордости дальневосточной научной школы. Автор одной из статей рубрики Л.Н. Хаховская точно подметила: «Основу методологического подхода В.А. Тураева можно обозначить как своего рода этнический реализм, опирающийся на его жизненный и профессиональный опыт журналиста, полевого этнографа и академического учёного».

В академическую науку Вадим Анатольевич пришёл не сразу. Он окончил исторический факультет одного из лучших вузов Советского Союза — Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева, а затем и аспирантуру. Но прежде чем сесть на студенческую скамью, Вадим Анатольевич несколько лет проработал на целине и буровых установках в Северном Казахстане и других районах Центральной Азии. Важное место в жизни В.А. Тураева занимала журналистика — благодаря работе в этой сфере в его профессиональном багаже присутствуют такие качества, как умение располагать к себе людей, независимость суждений, широчайшая эрудиция, принципиальность, способность к глубокому анализу, совершенное владение словом. Более 10 лет В.А. Тураев был главным редактором самой популярной и любимой дальневосточниками радиостанции «Тихий океан». Работу здесь он совмещал с преподаванием в вузах Владивостока и обучением в аспирантуре ДВНЦ АН СССР, завершившимся успешной защитой диссертационного исследования на тему «Социалистическое строительство у малых народностей Таймыра (1917—1941)» (1974). В 1981 г. по приглашению основателя и первого директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока академика А.И. Крушанова Вадим Анатольевич был принят на должность старшего научного сотрудника в отдел этнографии, в котором в разных должностях проработал до конца своих дней.

Центральное место в научной деятельности В.А. Тураева занимало изучение коренных народов Севера и Дальнего Востока России. Результаты его исследований представлены более чем в 200 публикациях, среди которых необходимо выделить коллективные монографии уникальной историко-этнографической серии, посвящённые истории и культуре коренных народов Дальнего Востока. Вадим Анатольевич выступил главным редактором и автором 11 томов из этой серии. Он всегда очень чутко реагировал на вызовы российского общества, появившиеся вследствие глубоких трансформаций начала 1990-х гг., справедливо полагая, что наука, особенно гуманитарная, призвана живо отвечать на социальные запросы. По этой причине в фокусе его исследований появились проблемы современного развития коренных народов в быстро меняющихся экономических и социальных условиях глобализирующегося мира.

По данным ООН, сегодня в мире насчитывается около 476 млн представителей коренных народов, живущих в 90 странах. Хотя они составляют менее 5% мирового населения, 15% беднейших жителей планеты приходится именно на них. Коренные народы являются носителями 5000 различных культур и подавляющего большинства языков мира, общее количество которых составляет около 7000¹. Всероссийская перепись 2010 г. зафиксировала 316 011 представителей КМН, проживающих в Российской Федерации, что составило 0,22% от общей численности населения на момент переписи². При этом российское законодательство позволяет каждому субъекту самостоятельно выделять в своём составе группы КМН.

Процесс содержательного наполнения понятия *коренные народы* в исторической динамике в мировой и российской общественно-политической практике достаточно хорошо описан в отечественной историографии. Одним из крупнейших отечественных специалистов в этой области является С.В. Соколовский, к работам которого мы советовали бы обратиться всем интересующимся данной проблематикой³. Стоит лишь отметить, что специфическая дефиниция *коренной народ* «менее обязана антропологии, чем международному праву и движению за права человека»⁴. Действительно, после Второй мировой войны фиксируется бурное развитие международной системы прав человека: от прав индивидуума к коллективным правам меньшинств и коренных народов. В этом контексте принятие ООН 13 сентября 2007 г. Декларации прав коренного населения⁵ послужило кульминацией многолетних усилий сформировать международный стандарт прав коренного населения и провозгласить на весь мир о значительном шаге в деле гарантии прав коренного населения. В декларации отсутствует определение понятия *коренные народы*, основным критерием их выделения является самоидентификация, но с важным уточнением — «в соответствии с их обычаями и традициями». Помимо этого, коренные народы объединяет их историческая потомственная связь с определённой территорией со времён, предшествовавших колонизации, а также прочные

¹ Организация Объединённых Наций. Основные сведения. URL: <https://www.un.org/ru/observances/indigenous-day/background> (дата обращения: 23.08.2021).

² Аверин А.Н. Коренные малочисленные народы: динамика развития // Вестник БГУ. 2015. № 14 А. С. 71.

³ Соколовский С.В. Образы «Других»: историческая топология мышления о коренных народах // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. 1998. Вып. 5. С. 55—80; Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 59—76; Политика признания коренных народов в международном праве и в законодательстве Российской Федерации / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2016. Вып. 250. 69 с.; и др.

⁴ Richard M. Siddle. The Ainu. Indigenous People of Japan // Japan's Minorities: the Illusion of Homogeneity / ed. by Michael Weiner. 2nd ed. London and New York: Routledge, 2009. P. 32.

⁵ Декларация Организации Объединённых Наций о правах коренных народов. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 23.08.2021).

узы с их землями. Они сохраняют по меньшей мере некоторые из своих особых социальных, экономических и общественных устоев, имеют свои собственные языки, традиции, убеждения и унаследованные от предков системы знаний. Их принято относить к недоминирующим группам общества. По мнению С.В. Соколовского, главное, что выделяет коренные народы в общем поле миноритарных сообществ, — это *специфика их образа жизни*, заключающаяся в «специфике форм их хозяйствования, не вписывающихся в нормы и ценности доминирующего общества и законы рыночной экономики... Черты этого образа жизни хорошо известны — это экстенсивные формы хозяйствования, значительная часть которых может быть отнесена к присваивающим формам экономики (охота, собирательство, рыбный и морской зверобойный промысел; с известными оговорками — транспортное оленеводство)»⁶.

В российском научном и правовом дискурсе наиболее прочно закрепился термин *коренные малочисленные народы*. Законодательным введением 50-тысячного порога численности⁷ правительство пыталось «развести» большие группы автохтонного населения. К ним относятся крупные народы Сибири, а также титульные этнические группы республик в составе РФ, хорошо интегрированные в социально-экономическую и политическую системы страны, и индигенные группы, которые в силу своей малочисленности и приверженности традиционному образу жизни находятся в уязвимом положении и нуждаются в «опеке» государства. Именно последние находятся в фокусе исследований отечественных учёных, занимающихся проблемами коренных народов.

Рубрику открывает статья самого **В.А. Тураева**, которую он подготовил незадолго до ухода из жизни. Она посвящена трансформации охотничьего хозяйства коренных малочисленных народов Дальнего Востока в условиях становления рыночной экономики (1990—2010). В недавнем прошлом охота в таёжной зоне не только была главным жизнеобеспечивающим занятием, но и во многом определяла этническую идентичность коренных народов (эвенков, эвенков, удэгейцев, орочей). В советский период охота оставалась отраслью традиционной экономики, но в условиях постсоветской трансформации охотничий промысел вынужденно перешёл в сферу частного предпринимательства и в настоящее время, по убеждению автора, переживает глубокий кризис. В результате непродуманного реформирования прекратили существование охотхозяйственные предприятия, обеспечивавшие занятость и материальное благополучие коренного населения; сократились объём заготовок продукции охотничьего промысла и число охотников-профессионалов. Многие охотники из числа коренных народов лишились своих промысловых угодий, уменьшилось государственное финансирование мероприятий по улучшению среды обитания охотничьих

⁶ Соколовский С.В. Политика признания коренных народов в международном праве и в законодательстве Российской Федерации / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2016. Вып. 250. С. 27.

⁷ Ст. 1 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (30.04.1999 г.).

животных и их воспроизводству, выросло количество случаев браконьерства, охотничье хозяйство перестало восприниматься как отрасль экономики. Эти и целый ряд других негативных последствий, полагает В.А. Тураев, практически лишают коренные народы возможности вести традиционную хозяйственную деятельность в сфере охотничьего промысла.

Отмечено, что в периоды резких социальных трансформаций человеческие сообщества вновь обращаются к традиционным духовным ценностям, которые способствуют стабилизации этнического самосознания. Как указывалось выше, для индигенных групп значимым представляется осознание своей связи с «землёй предков» и способы жизнедеятельности на ней, опирающиеся на константы традиционной культуры, закреплённые в лексике, обрядовых практиках и традиционном фольклоре. Определение специфики фольклорного наследия эвенков Амуро-Сахалинского региона в сравнении с фольклором соседних народов поставила целью своего исследования *Л.Е. Фетисова*. Именно В.А. Тураев выделил дальневосточных эвенков в качестве самостоятельного объекта исследования, объединив разные локальные группы по географическому признаку и показав культурное своеобразие и адаптивные возможности каждой из них. Анализируя особенности повествовательного фольклора дальневосточных эвенков, Л.Е. Фетисова обнаружила, с одной стороны, исключительную сохранность архаических мифопоэтических мотивов, а с другой — определённые изменения, которые явились результатом как естественной эволюции устного творчества, так и влияния внешних факторов: череды общественных трансформаций и мощного инокультурного воздействия, в том числе русского. Однако, по мнению автора, заимствования не только не уменьшили своеобразия эвенкийских эпических текстов, но и стали своего рода катализатором творческой активности внутри собственной художественной традиции, способствуя появлению новых внутрижанровых разновидностей и обогащая образную систему уже существующих текстов. Автор приходит к выводу, что фольклор амуро-сахалинских эвенков является неотъемлемой составляющей общеэвенкийской культуры и в то же время заслуживает внимания как своеобразная реализация этнической традиции на региональном уровне.

Роли этнокультурных факторов в современной жизни ещё одной группы эвенков, проживающих на территории Южной Якутии, посвящена статья *Е.Г. Маклашовой*. На материалах социологических исследований автор показывает высокую значимость для социального самочувствия и определения жизненных стратегий южноякутских эвенков таких факторов, как земля и хозяйственная деятельность (оленоводство), а также связанных с ними навыков, умений, обычаев и традиций. При опросе и в ходе интервью респонденты, непосредственно владеющие участками земли и оленями либо вовлечённые в оленеводческие практики (помогают родственникам ухаживать за стадом, оформлять гранты и документы, оказывают финансовую поддержку), несмотря на трудности, недостаточность материального обеспечения и низкий уровень качества жизни в сёлах, были настроены оптимистично и высказывались позитивно о своём настоящем и будущем. Автор

исследования зафиксировала значительное падение (вплоть до «бомжевания») уровня жизни у части представителей КМНС, по тем или иным причинам оказавшихся отстранёнными от традиционных практик. Анализ интервью позволил Е.Г. Маклашовой сделать вывод, что некоторые звенки, перешедшие на оседлый образ жизни и в целом выглядевшие вполне благополучно, испытывали духовную потребность в возвращении к традиционному укладу. С учётом важности вышеуказанных факторов такое правовое и административно-управленческое понятие, как «места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов», имеет сегодня важное социальное, экономическое и культурное значение для КМНС. Присвоение такого статуса территориям исконного проживания также связывается с их позитивным социальным самочувствием.

Изменения в территориально-административном устройстве Крайнего Севера в советский и постсоветский периоды прослеживает в своей статье **Л.Н. Хаховская**, выявляя соотношение *этноспецифических* и *общесоциальных* форм. В начале советского периода власть создавала этномаркированные административные единицы как воплощение идеальной модели патерналистских взаимоотношений государства и местных этнических сообществ, стремясь достичь максимальной этнической гомогенности, что в числе других факторов легитимизировало особые права «титულных» групп. Этот процесс автор обозначила как *территориализацию этничности*. В дальнейшей административно-территориальной политике советского государства под влиянием миграций, экономического освоения, взаимодействия властных структур на местах отмечается отказ от этнического принципа районирования, особенно заметный в Охотско-Колымском регионе, где «давление золота» ограничило этническую направленность государственной политики и привело к ликвидации национального округа в самом начале его существования. В целом советское время характеризуется ярко выраженной вертикальной трансформацией административной структуры Крайнего Северо-Востока.

В период перестройки происходит усиление этнического фактора в общественной и обыденной жизни. Результатом совместной борьбы этнических активистов управленческой элиты и рядовых членов общества стала автономизация Чукотского округа. Здесь автор выделяет элементы горизонтальной трансформации, поскольку центральные органы отреагировали на требования, выдвигаемые на местах. В качестве примера истинного горизонтального низового движения в сфере этнического номинирования территориальных структур Л.Н. Хаховская рассматривает борьбу за признание г. Магадана территорией компактного проживания коренных малочисленных сообществ. Этот социальный сдвиг она обозначает как переход от *территориализации этничности* к *этнизации территорий*. Действительно, представители коренных народов, переселяясь в город, в некоторой степени «окрашивают» своей осознаваемой этничностью новые локации и пространства. Л.Н. Хаховская делает вывод, что представители коренных сообществ, борясь за расширение своих прав, стремятся закрепить

их в наличных институциях, которые, в свою очередь, являются инструментом власти, направленным на регулирование этнических процессов.

Проблему связи территории, ландшафта с идентичностью коренного народа также поднимает в своей статье **Н.И. Новикова**. Полемика своего исследования она выбрала о-в Сахалин, на котором развернули активную деятельность крупные российские и зарубежные нефте- и газодобывающие компании, что позволяет обеспечивать достаточно высокий уровень экономического и социального благополучия в регионе. Во многом такая ситуация послужила импульсом для трансформации коллективных идентичностей островитян, в том числе и представителей коренных народов. Так, Н.И. Новикова отмечает, что в течение последних 20 лет происходит трансформация идентичности от культурной к правовой, а в самое последнее время — к региональной, причём не только областной, а часто и районной. Особенно это характерно для молодого поколения, стремящегося уйти от печати «аборигенности» и вписаться в общерегиональный социальный фон. Большое внимание автор уделяет анализу этнического предпринимательства коренных народов, указывая на его полиэтничный характер (почти все хозяйственные организации коренных народов объединяют разные народы Сахалина, в основном коренные, но также включают часто корейцев и русских) и высокую социальную ориентированность. Предприниматели из числа КМНС стремятся не столько к получению прибыли, сколько к решению социальных задач, а также избавлению от негативной маркированности, когда представление о коренных строится не на маргинальности, а на успешности их представителей. Н.И. Новикова приходит к общему выводу о том, что сегодня коренные малочисленные народы острова актуализируют этническую идентичность, но высказываются за обеспечение права на развитие, на модернизацию своего образа жизни в соответствии с международно признанными правами коренных народов на свободное предварительное осознанное согласие на принятие решений, затрагивающих их интересы.

Изучение коренных народов происходит также в рамках колониального дискурса, когда обсуждаются сюжеты о влиянии на них (чаще всего деструктивном) пришлого населения. Весьма сложную проблему обстоятельств выезда айнов с Южного Сахалина после окончания Второй мировой войны поднимает **Ю.Н. Дин**. Указывая на объективную ограниченность источников, автор пытается найти ответы на важные вопросы: была ли это «репатриация», ведь айны принадлежали к коренному населению острова и репатриации не подлежали; как менялась политика советских органов власти в отношении айнов. Японские специалисты пишут в основном о добровольности выезда айнов. Российские исследователи не столь единодушны во мнениях и в качестве причин видят и сильную японизацию, и слабость советской пропаганды, и нежелание обострять будущие отношения с Японией. Ю.Н. Дин предлагает собственную интерпретацию, полагая, что в условиях необходимости быстрой трансформации экономической, политической и социальной системы и острой нехватки рабочих рук в промышленности советские власти не желали тратить и без того скудные

ресурсы на интеграцию айнов. При этом автор оставляет открытым вопрос о степени участия советских органов власти в организации их выезда.

В последнее время антропологи много пишут о высоких рисках ресурсного экстрактивизма для коренных народов. Действительно, вопрос об ущербе среде и населению, наносимом добывающими компаниями и связанными с их деятельностью инфраструктурными проектами, стоит очень остро. Это убедительно демонстрирует исследование **В.Е. Болдырева**, посвящённое проблемам здоровья коренных народов канадского Севера, возникшим после прихода горного бизнеса. Автором зафиксировано негативное влияние на состояние здоровья аборигенов, ставшее следствием изменения рациона питания из-за разрушения экологического ландшафта. Кроме того, в условиях перенаселённости после переселения в горняцкие посёлки быстро распространились инфекционные заболевания, отрыв от привычной среды, вовлечение в новые хозяйственные практики (работа на горнодобывающих предприятиях) привели к значительному ухудшению социального самочувствия представителей коренного населения, следствием чего стало увлечение алкоголем, табакокурением, случаи девиантного поведения. Ситуация усугублялась низким уровнем медицинского обслуживания, непродуманностью и эпизодичностью государственной политики по вовлечению аборигенов в структуру «общеканадского» общества, проблемами территориального управления.

В заключение мы хотели бы представить некоторые выводы В.А. Тураева, сделанные им в результате многолетнего изучения современного положения коренных народов, с которыми мы солидарны и которые представляются актуальными не только для РФ, но и для других стран, где проживают индигенные сообщества. Вадим Анатольевич писал о том, что в области этнокультурного развития коренных народов характерна растущая социальная и культурная неоднородность их общества. Их современная культура представляет собой переплетение традиций и инноваций, при этом число тех, кто продолжает ориентироваться на традиционный комплекс культуры, неуклонно снижается. Подлинное развитие коренных народов возможно только на основе вовлечения их в современные экономические отношения, которые должны лишь базироваться на традиционной хозяйственной деятельности, но не воспроизводить модели столетней давности. Без активного участия государства в экономической жизни коренных народов решить эту проблему невозможно. Осознать данный факт должно не только государство, но и сами народы, которым ещё предстоит найти оптимальную модель своего будущего.

Ж.М. Баженова, канд. ист. наук, учёный секретарь Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Г.Г. Ермак, канд. ист. наук, зав. отделом этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН